

Тургенев Иван Сергеевич

Первое собрание писем 1840-1883
ГГ

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Первое собрание писем 1840-1883 гг./Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 570 с.

ISBN 978-5-519-77935-7

ISBN 978-5-519-77935-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шенно интимный характеръ, или вообще не могли быть признаны пока удобными для печати по близости времени; такія мѣста обозначены многоточіемъ. Примѣчанія къ письмамъ сдѣланы большею частью лицами, ихъ доставившими, остальные же принадлежатъ редакціи.

Хотя заграничныя письма И. С. Тургенева, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ помѣтку времени по старому и по новому стилю, но для большей ясности въ хронологіи, редакція вездѣ держалась одного стараго стиля.

Въ концѣ тома приложены: 1) хронологическій указатель писемъ, съ подраздѣленіями по мѣсту ихъ отправленія; и 2) алфавитный списокъ именъ тѣхъ

лицъ, къ которымъ письма были адресованы, причемъ обозначены, изъ хронологическаго указателя, всѣ нумера писемъ, принадлежащихъ тому или другому лицу.

Всего напечатано 488 писемъ, къ 55 лицамъ; эти письма обнимаютъ собою слишкомъ 40 лѣтъ, отъ 1840 г. до самой смерти И. С. Тургенева, послѣдовавшей 22-го августа 1883 года.

С.-Петербургъ,
28 октября 1884.

Въ засѣданіи Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 2 сентября 1883 г.,—первомъ по смерти И. С. Тургенева, постановлено учредить въ его память неприкосновенный его имени капиталъ, для выдачи на проценты съ этого капитала вспомошествованій; однимъ же изъ средствъ для составленія фонда предположено изданіе его переписки, подъ общеою редакціею предсѣдателя Общества В. П. Гаевского.

Сборникъ, напечатанный во исполненіе вышеупомянутаго постановленія, конечно, не исчерпываетъ всей громадной переписки Тургенева, и составляетъ, можно сказать, еще весьма небольшую часть всего писаннаго имъ друзьямъ, знакомымъ, а иногда и не-

знавалъ и любилъ святость жизни; несмотря на свою болѣзнь, онъ наслаждался блаженствомъ мыслить, дѣйствовать, любить: онъ готовился посвятить себя труду, необходимому для Россіи... Холодная рука смерти пала на его голову, и цѣлый міръ погибъ. Вотъ здѣсь — *die kalte Teufelsfaust... die sich — nicht vergebens tückisch ballt*. Отъ 11-го іюня получилъ я отъ него письмо изъ Флоренціи.

Вотъ вамъ отрывки: ...„Во Флоренціи я имѣю иногда отдыхъ, вообще я поправился и, кажется, дѣло идетъ впередъ... Наконецъ рѣшено, чтобы я провелъ лѣто на озерѣ Комо... *M-me Diakof*, услышавъ въ Неаполѣ о моей болѣзни... пріѣхала съ сыномъ, и мы вмѣстѣ пробудемъ лѣто“. Онъ (Станкевичъ) мнѣ тутъ довѣряетъ свое отношеніе къ покойной сестрѣ Дьяковой. Помните: „Закрылись прекрасныя очи“ — хораль Ключникова. И онъ умеръ, и Станкевичъ умеръ! — „Въ Дьяковой я нашелъ настоящую сестру; попрежнему, — пишетъ Станкевичъ, — ея заботы и участіе дѣйствуютъ на поправленіе силъ моихъ больше всего“. — Его мучило тягостное отношеніе къ Бертѣ: онъ поручалъ мнѣ сходить къ ней, узнать и т. д. — „У меня въ головѣ много плановъ — но когда ихъ не было? — замѣчаетъ Станкевичъ. — Собираюсь зимой работать надъ исторіей философіи. Есть въ головѣ тоже нѣсколько статей. Богъ знаетъ какъ это все переварится“... „Напишите о Вердерѣ: скажите ему мое почтеніе; скажите ему, что его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога, и что все, что во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано... Прощайте, пока!“

Вотъ еще отрывокъ: „Фроловыхъ я засталъ еще здѣсь. Лиз. Пав. была ужасно больна; теперь, къ счастью, стала поправляться: я думаю, по выздоровленіи ея, они поѣдутъ въ Неаполь. Кени наняли здѣсь домъ на цѣлый годъ“.

Черезъ 14 дней онъ умиралъ, ночью, въ Нови.

12-го іюля получилъ я слѣдующее письмо отъ Ефремова:

«Нови, 27-го іюня (1840 г.).

«Иванъ Сергѣевичъ! Немного собравшись съ духомъ, спѣшу увѣдомить васъ о несчастіи, случившемся со всѣми нами. Въ Нови, городкѣ, миль 40 отъ Генуи, по дорогѣ въ Миланъ, въ ночь съ 24 на 25-е умеръ Станкевичъ. Онъ ѣхалъ въ Комо. Не знаю, что писать, голова идетъ кругомъ, хаосъ. Кончивши всѣ дѣла въ Генуѣ, — я располагаюсь ѣхать прямо въ Берлинъ, если ничто не остановитъ. Теперь хлопочу, чтобъ приготовить все, для перевоза его тѣла въ Россію. Прощайте. Надѣюсь скоро съ вами увидѣться. Прощайте, вашъ А. Ефремовъ».

Я съ нетерпѣніемъ его ожидаю, узнаю все—и тотчасъ все вамъ напишу. Боже мой! какъ этотъ ударъ поразитъ васъ, (Януарія Михайловича) Невѣрова, Фроловыхъ... всѣхъ его знакомыхъ и друзей! Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру: я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи: „in ihm ist auch ein Theil von Ihnen gestorben“. Онъ чуть-чуть не зарыдалъ. Онъ мнѣ говорилъ: Ich fühle es.—Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler meine Jünger sterben, ob Ich überlebe sie! Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе—Der Tod, написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія. Если онъ согласится, я его спишу и пошлю къ вамъ.

Я оглядываюсь, ищу—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?...

О, если что нибудь могло бы заставить меня сомнѣваться въ будущности, я бы теперь, переживъ Станкевича, простился съ послѣдней надеждой. Отчего не уме-

реть другому, тысячѣ другимъ, мнѣ напр.? Когда же придетъ то время, что болѣе развитый духъ будетъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія тѣла и сама наша жизнь условіе и плодъ наслажденій—Творца, зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть или страдать прекрасное? До сихъ поръ казалось—мысль была святотатствомъ, и наказаніе неотразимо ожидаетъ все превышающее блаженную посредственность. Или возмущается зависть Бога, какъ прежде зависть греческихъ боговъ? Или намъ вѣрить, что все прекрасное, святое, любовь и мысль—холодная иронія Іеговы? Что же тогда наша жизнь?

Но нѣтъ—мы не должны унывать и преклоняться.

Сойдемтесь—дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ—быть можетъ—лучшій. Но возникаютъ, возникнуть другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и, рано-ли поздно—свѣтъ побѣдитъ тьму.

Да, но намъ, знавшимъ его—его потеря невозвратима. Едва ли не Rahel сказала: „Wäre noch nie ein junger Mann gestorben, hätte man nie Wehmuth gekannt“. Изъ сердца Творца истекаетъ и горе, и радость. Freude und Leid: часто ихъ звуки дрожатъ роднымъ отголоскомъ и сливаются: одно неполно безъ другого. Теперь чередъ горю...

Прощайте: будьте вы здоровы. Напишите мнѣ слово отвѣта. Мнѣ кажется, я васъ еще болѣе полюбилъ, со смерти Станкевича.

Вашъ, и пр. ¹⁾.

¹⁾ О смерти Станкевича см. его біографію П. В. Анненкова, стр. 231—232 и письма Бѣлинскаго къ В. П. Готкпну и А. П. Ефремову въ сочиненіи А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ (т. 2 стр. 50—53).—Ред.

1852.

ВЪ РОССІИ.

С.-Петербургъ:

2 ¹⁾.

Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. — Санктъ-Петербургъ, апрѣля 27 дня, 1852. Ваше императорское высочество! Всемиловѣйшій государь.

Прошедшаго 16-го апрѣля былъ я, по высочайшему повелѣнію, посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ, по истеченіи котораго долженъ быть отправленъ на жительство въ деревню. Наказанію этому, сколько мнѣ извѣстно, я подвергся за помѣщеніе статьи о покойномъ Гоголѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Покоряюсь безропотно монаршей волѣ—и желая единственно оправдать себя отъ обвиненія въ умышленномъ ослушаніи, приѣмлю смѣлость представить милостивому воззрѣнію вашего императорскаго высочества со всею искренностью сущность дѣла.

Узнавъ о смерти Гоголя, я написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ желалъ выразить горестъ, возбужденную во мнѣ этимъ извѣстіемъ.—Статья моя была первоначально передана въ „Санктъ-Петербургскія Вѣдомости“, но ²⁾ въ нихъ не явилась; тогда я доставилъ ее въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“: мнѣ было извѣстно, что статья эта подвергнется и тамъ всѣмъ установленнымъ цензур-

¹⁾ Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., январь, съ приведенными ниже выносками и примѣчаніемъ.—Ред.

²⁾ На полѣ карандашомъ: „встрѣтивъ затрудненія“.

нымъ узаконеніямъ, оттого я и не усомнился сообщить ее журналу, издающемуся въ городѣ, гдѣ умеръ ¹⁾ Гоголь. Осмѣливаюсь удостовѣрить ваше императорское высочество, что, отсылая статью свою въ Москву, я не только не думалъ ослушаться начальства или противиться его волѣ—но не имѣлъ даже помышленія о томъ, что дѣлаю что нибудь противузаконное; я бы тотчасъ уничтожилъ эту статью, если бы хоть отдаленно могъ предвидѣть, что мой поступокъ будетъ сочтенъ за ослушаніе. Теперь же, не зная за собой никакой другой вины, я состою подъ арестомъ въ полицейской части и будущность моя находится въ неизвѣстности, тѣмъ болѣе для меня тягостной ²⁾, что мое здоровье требуетъ частыхъ совѣщаній съ столичными врачами.

Въ такомъ положеніи мнѣ остается только прибѣгнуть къ милостивому снисхожденію и высокому предстательству вашего императорскаго высочества. Удостойте, всемилостивѣйшій государь, довести мое искреннее изложеніе дѣла до свѣденія его величества, чѣмъ, быть можетъ, мнѣ доставится возможность оправдать по крайней мѣрѣ свои намѣренія передъ государемъ императоромъ. Одно благотворное вниманіе вашего высочества я уже почту облегченіемъ своей участи.

Вашего императорскаго высочества всеподданнѣйшій

Иванъ Тургеневъ.

отставной коллежскій секретарь ³⁾.

¹⁾ На полѣ карандашомъ: „притомъ же, такъ какъ все дѣло было чисто литературное, то я и могъ приписать возникшія въ Петербургѣ затрудненія личному воззрѣнію цензора на талантъ покойника“.

²⁾ По зачеркнутому—„тяжелой“.

³⁾ Примѣчаніе. Эпизодъ заключенія покойнаго Ивана Сергѣевича Тургенева въ полицейскую часть, въ С.-Петербургѣ, достаточно извѣстенъ. Объ этомъ было подробно разсказано въ Запискахъ покойнаго же члена государственнаго совѣта, князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г. томъ VIII, стр. 940—953.

1853.

Изъ села Спасскаго-Лутовинова
мценскаго уѣзда, орловской губ.

3.

П. Н. Тургеневу¹⁾.—Спасское, 23 ноября, 1853.—
Милый дядя, я оттого не отвѣчалъ тебѣ на радостное из-
вѣстіе о рожденіи моей сестры, а твоей дочки, что я все
поджидалъ тебя въ Спасское по твоему обѣщанію, но теперь
посылаю къ тебѣ нарочнаго съ извѣстіемъ, что сегодня
пришло ко мнѣ письмо отъ гр. Орлова съ объявленіемъ
мнѣ свободы и позволенія вѣѣзжать въ столицы. Мнѣ
также пишутъ изъ Петербурга, что мнѣ нужно явиться
туда хотя на короткое время для принесенія моей бла-
годарности. Вслѣдствіе этого, прошу тебя, если тебѣ
возможно, пріѣхать сюда какъ можно скорѣе, чтобы пе-
реговорить со мной и взять на руки дѣла. Хотя дней
на 10 пріѣзжай. Домъ въ Орлѣ сталъ теперь не нуженъ,
потому что если я пріѣду, то только на выборы. На-
дѣюсь, что всѣ твои здоровы и благополучны, заочно
обнимаю тебя и всѣхъ, и сестру цѣлую.

Въ ожиданьи скоро тебя увидѣть — твой, и пр.

¹⁾ Это и другія три письма, помѣщенные ниже, адресованы къ
дядѣ И. С. Тургеневу и хранятся въ коллекціи автографовъ Г. Л. Крав-
цова.—Ред.

1854.

4.

Колбасину, Елисею Яковлевичу ¹⁾. — Спасское, 29 октября, 1854. — Милый Колбасинъ, отъ души поздравляю васъ съ окончаньемъ вашихъ экзаменовъ и одержанной побѣдой надъ М.-П. ²⁾. Видно, не во всемъ же вамъ должна везти неудача. — Соображая кое-что иное прочее, я напротивъ начинаю думать, что вы пресчастливый молодой человѣкъ. — Дай Богъ также и впредь!

Въ Петербургъ я прибуду къ 20-му ноября. Я писалъ вашему брату и просилъ его о квартирѣ. Не будете ли вы такъ добры, не поможете ли ему? — (Онъ вѣдь получилъ мое письмо къ Оболенскому? — Я тотчасъ же написалъ).

На зиму мы уже съѣдемъ вамъ дѣло — не безпо-

¹⁾ Е. Я. Колбасинъ—авторъ книги: „Литературные дѣятели прежняго времени“ (Спб. 1859 г.), и сотрудникъ „Современника“, живущій въ Одессѣ. 40 писемъ къ нему и его брату Дмитрію приобрѣтены барономъ Г. О. Гинцбургомъ и предоставлены литературному фонду. Изъ нихъ печатается 28 писемъ къ первому (1854 — 1882 г.) и 8 ко второму (1856 — 1862).—Ред.

²⁾ Мусинъ-Пушкинъ, попечитель Петербургскаго учебнаго округа. По его распоряженію, всѣ вольнослушатели не были допущены къ послѣднему экзамену. Тогда, по совѣту профессора Неволлина, они обратились съ жалобой къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову, который распорядился немедленно допустить всѣхъ вольнослушателей къ экзаменамъ. Послѣ значительнаго упорства, Мусинъ-Пушкинъ вынужденъ былъ сдаться. Экзамены прошли удачно. Тургеневъ, всегда любившій молодежь, принималъ самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ.—Е. К.